

Суббота, 25 февраля 1984 года

ЧЕСТЬ ПИСАТЕЛЯ

Книги и жизнь Григория Медынского

ЕСТЬ ЛЮДИ, встречи с которыми — как счастливый подарок. Они восхищают и удивляют: как много может человек! На какую силу духа способен! Хочется и собственную жизнь сделать полнее, активнее, чище. Такой человек — писатель Григорий Александрович Медынский.

Великая русская литература XIX века знала, что есть писательство: писатель — учитель жизни. Страстно и сокровенно эта литература говорила о поиске смысла жизни, о сострадании, о служении. Традицию высшего понимания своей ответственности перед обществом ныне продолжают советские писатели. И среди них — Медынский.

В его жизни миссия писательства соединилась еще с одной, родственной по смыслу, высокой миссией — учительством. Два дела, две профессии — педагога и писателя — не просто дополнили друг друга, но создали неразрывное единство. Более всего в этом человеке поражает абсолютная обеспеченность слова делом, гармония идеалов и поступков. Медынский не моралист, наставляющий заблудших, как жить. Он яростный защитник тех, кому можно и нужно помочь.

Когда говорят «творческая жизнь», то как бы подразумевают, что у художника есть еще и «просто жизнь» — частная, обыденная, с ее суетой, удачами и неудачами, радостями и заботами. Григорий Александрович и его жена заслуженная учительница РСФСР Мария Никифоровна Медынская к такому делению не привыкли. Педагогическая деятельность этой удивительной четы началась в феврале 1919-го через неделю после регистрации брака в провинциальном городке Медыни. Регистрировались по только что введенному советскому порядку, что само по себе достаточно красноречиво: отец Григория Александровича был сельским священником, а невеста — недавней гимназисткой. Так, в гимназической форме, восемнадцати лет, Мария Никифоровна впервые вошла в класс учительниц. А сам Григорий Александрович в 1920 году в качестве премии за учительскую работу получил рубашку.

Эти биографические подробности мы узнаем из последней, автобиографической книги Медынского «Ступени жизни». В двадцатые годы в течение семи лет будущий писатель работал в Москве — боролся с детской беспризорностью. Должности в духе времени часто менялись: он был воспитателем, заведующим отделом, руководил «распределителем для особо трудных».

Первую книгу о воспитании, о юности Медынский написал тридцать лет назад на примере класса, воспитателем которого была Мария Никифоровна. «Повесть о юности» — это как бы порог будущей большой темы, подступы к ней. Тема становления человека трудной судьбы на долгие годы стала главной для писателя. А началась она повестью «Честь», написанной в 50-е годы, но и сегодня до дыр зачитываемой в библиотеках. История Антона Шелестова — подростка, который в результате семейной отчужденности, равнодушия одноклассников, школьной казенщины и нередко в юности душевного одиночества в конце концов оказался на скамье подсудимых, рассказана Медынским с абсолютной психологической достоверностью, с болью за искаленную судьбу.

Однако стоит ли вообще писать об этой, теневой стороне жизни? Стоит ли писать о тюрьмах, колониях, преступлениях? Этот вопрос, естественно, стоял перед писателем, и в «Ступенях жизни» он признался, что завидовал иногда Сергею Смирнову с его столь прекрасной задачей прославления героизма. По мне-

нию многих, говорить о профилактике преступности — значит допускать возможность преступлений. Это способно травмировать молодежь. С подобной точкой зрения Медынский полемизирует во всех своих произведениях, разоблачает ее как демагогию или как искреннее заблуждение стереотипного мышления.

Как часто мы представляем себе жизнь отлакированной, стерильной! Как часто, не видя и не ведая зла, забываем о его существовании. И как часто в иных случаях, зная и понимая оборотную сторону жизни, стыдливо умалчиваем о ней. Обращаясь к юным, пищаем их суррогатами правды, прописными истинами, воспитательным мякишем. Не менее страшно откровенное неверие в победу добрых начал в человеке или равнодушный цинизм. Не здесь ли кроется одна из причин появления воспитательного «брака» в школе? Это одна грань полемики, в которую Медынский вовлекает читателя. Другая — разговор о природе преступности. Уже в повести «Честь» писатель убедительно доказывает, что преступность — проблема не узковедомственная, не только юридическая, а общевоспитательная. Два взгляда на преступность, полемически заостренные в повести, отражают две точки зрения на воспитание, одна из которых ложна и опасна по своим последствиям.

После выхода в свет этой книги автора буквально захлестнула лавина читательских писем-исповедей. Размышления над ними составили новые произведения, в том числе и «Трудную книгу» — своеобразный публицистический трактат о воспитании. Голая требовательность без любви и уважения расчеловечивает — вот один из главных тезисов писателя. Как и Сухомлинский, он понимает доброту прежде всего как внимание к человеку. «Нет, я не за мягкотелость! Я за суровость, но против жестокости, за наказание, но не за мстительность, за гнев, но против обывательской злобности и равнодушия. Я за вдумчивость!».

Переписка с читателями — быть может, главное содержание жизни Медынского в течение трех последних десятилетий. Ему пишут, чтобы рассказать о себе, разобраться в сложных ситуациях и конфликтах, обрести пошатнувшуюся веру в себя и людей. По прекрасной привычке русского интеллигента Григорий Александрович отвечает на все письма: честно, требовательно, по-отцовски. Захваченный, потрясенный человеческими драмами, которые ворвались в его жизнь, писатель сделался ходатаем по различным инстанциям, страстным защитником справедливости, нравственным арбитром в трудностях сотен тысяч людей.

Судьба Медынского уникальна, но какими-то своими линиями она воплотилась и в других судьбах. Пять лет назад, перед 80-летием писателя, встретились и познакомились многие герои его книг — бывшие «блудные сыновья», подшефные, ученики. Один из них, Саша Пшеная, которому посвящены две главы «Трудной книги», сегодня продолжает дело своего старшего друга и учителя, собирая вокруг себя «трудных» подростков. За работу с молодежью мастер-наставник криворожского ПТУ Александр Пшеная удостоен премии Ленинского комсомола.

...Когда готовился к печати этот материал, которым мы хотели отметить 85-летие со дня рождения Григория Александровича, старого друга и автора «Учительской газеты», пришла печальная весть о его кончине. Но и книги его, мы верим, и листки его писем по-прежнему будут звать новых и новых единомышленников в ряды воспитателей по духу, по призванию.

С. ПОКРОВСКАЯ.

г. Ленинград.